МЕРТВЫЕ КРАДУТ ЛИЦА

МАРИНА КОМАРОВА

Марина Комарова

Мертвые крадут лица

«Автор»
2026

Комарова М.

Мертвые крадут лица / М. Комарова — «Автор», 2026

Ким Джувон видит чудовище, но оно не имеет лица. Ли Ёнчжу возвращает пациентам улыбки, но его собственная больше не принадлежит ему.Древние маски хахве просыпаются, чтобы сбросить на людей восьмивековой груз чужих пороков.Трещина на лике невесты становится порталом для истинного хищника. Оно крадет черты, примеряет судьбы и ставит ужасный эксперимент: можно ли создать идеальную личность, сшив лучшие куски чужих душ?Им придется совершить невозможное: провести операцию в месте, где у страха нет лица, а у зла — идеальный разрез глаз.

© Комарова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Дикие пляски хахве. Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 19
Глава 4 25
Глава 5 32
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Марина Комарова
Мертвые крадут лица

Часть I. Дикие пляски хахве. Глава 1

Джувон ненавидел это место.

Студия Нам Кегвана располагалась в тихом переулке Инсадона, где туристы фотографировали традиционные дома-ханоки, а местные жители пили кофе в крошечных кафе с видом на черепичные крыши. Вывеска на двери гласила «Центр внутренней гармонии» и сияла золотыми иероглифами на темном дереве. Внутри пахло сандалом, зеленым чаем и едва уловимой ноткой ванили, от которой у Джувона каждый раз сжималось горло.

Почему-то сладость ванили походила на страх и стыд одновременно.

Джувон остановился перед дверью, сжимая ремень сумки с картами Таро так, что костяшки пальцев побелели. Если он не ошибается, то ровно месяц прошел с той встречи, когда они говорили о мокхвагви, детском доме и «допустимых жертвах». Все это время везло, потому что бывший учитель не вспоминал о долге. Но везение закончилось.

Три расклада. Всего три расклада Таро — и он будет свободен от Нам Кегвана навсегда.

«Навсегда», — мысленно усмехнулся Джувон.

Как будто от этого человека можно освободиться, просто раскинув карты. Было мерзкое чувство, что долг перед Кегваном никогда не закроется.

В кармане пикнуло сообщение в Какао. А, сообщение от Енчжу.

«*Ты уже там? Помни, три расклада и все. Не позволяй ему затянуть тебя в разговоры. Если что-то пойдет не так, звони сразу*».

Джувон усмехнулся, набирая ответ:

«*Я не ребенок, доктор Ли. Справлюсь*».

Тут же вспыхнуло ответное сообщение:

«*Знаю. Но я все равно волнуюсь, да и Геджин тоже. Он велел, кстати, передать: „Если этот крокодил начнет философствовать про баланс зла и добра, плюнь ему в чай и уходи”*».

Несмотря на напряжение, Джувон тихо рассмеялся. Чо Геджин никогда не упускал возможности напомнить, что он считает Нам Кегвана хуже призраков, потому что мертвые хотя бы честны в своих намерениях.

Он убрал телефон, выдохнул и толкнул дверь. Внутри было тихо. Слишком тихо. Даже уличный шум Инсадона не проникал сквозь стены, будто студия существовала в отдельном изолированном пространстве. Прихожая встретила его приглушенным светом бумажных фонариков и длинным коридором с раздвижными дверями из рисовой бумаги.

— Джувон-а, — раздался знакомый бархатный голос из глубины студии. — Заходи, пожалуйста. Я тебя жду.

Джувон резко выдохнул и медленно прошел по коридору. Снял ботинки и переобулся в мягкие тапочки для гостей. Каждый шаг отдавался эхом в тишине. Раздвижная дверь в главную комнату была приоткрыта, и из щели пробивался теплый свет.

Он надавил на дверь и вошел.

Нам Кегван сидел за низким чайным столиком на татами, одетый в белую льняную рубашку, серый жилет и свободные темные брюки. Длинные ухоженные волосы были собраны в аккуратный хвост. На столе стоял чайник с дымящимся напитком и две чашки — явно ждал гостя.

— Присаживайся, — мягко сказал Кегван, жестом указывая на подушку напротив. — Как ты? Хорошо выглядишь, я бы сказал, что даже отдохнувшим.

— Спасибо, учитель, — сухо ответил Джувон, садясь и кладя сумку рядом. — Я пришел выполнить свою часть договора. Три расклада.

Кегван чуть прищурился, будто оценивая его тон, но улыбка не сошла с лица:

— Всегда так серьезен, мальчик мой. Даже чаю не выпьешь со мной? Это хороший улун, привезли из Тайваня специально.

— Я не пью чай с людьми, которые используют детей как корм для духов, — спокойно сказал Джувон.

Воздух в комнате словно сгустился. Кегван медленно поставил чашку на стол, не отрывая взгляда от Джувона. Несколько секунд они смотрели друг на друга в полной тишине.

Потом Кегван рассмеялся. Это прозвучало почти с нежностью.

— Ты действительно вырос, Джувон-а. Научился показывать зубы. Хорошо. Мне это нравится. Значит, уроки не прошли даром.

— Уроки, — повторил Джувон, чувствуя, как внутри все закипает. — Вы называете это уроками?

— А как еще? — Кегван наклонил голову, изучая его с интересом. — Ты пришел ко мне напуганным мальчиком, который не знал, что делать со своим даром. Боялся собственной тени, а теперь сидишь передо мной и говоришь правду в лицо. Разве это не прогресс?

Джувон сжал кулаки под столом. Не поддаваться, только не поддаваться. Не вестись на провокации, потому что этот змей что угодно повернет в свою сторону. Три расклада — и он уйдет отсюда навсегда.

— Три расклада, — повторил он сквозь зубы. — Вы звонили и требовали выполнения долга. Я здесь, поэтому задавайте вопросы.

Кегван откинулся назад, опираясь на руку, и задумчиво посмотрел в потолок:

— Знаешь, Джувон-а, я долго думал, о чем спросить. У меня сто-о-олько вопросов. Столько интересных тем... Но в итоге я решил остановиться на чем-то... практичном. — Он протянул руку, достал из ящика стола тонкую папку и положил ее перед Джувоном. — Открой.

Джувон медленно потянулся к папке. Внутри лежала глянцевая брошюра с изображением традиционных корейских масок на обложке. Заголовок гласил: «Лики Хахве: восемьсот лет смеха и смерти. Выставка в Культурном центре Каннама. Открытие пятнадцатого мая».

— Я консультирую организаторов, — пояснил Кегван, потягивая чай. — Помогаю с исторической достоверностью, символизмом и, скажем, энергетикой пространства. Ты же знаешь, как важно правильно разместить артефакты, особенно такие... насыщенные.

Джувон медленно листал брошюру, внимательно рассматривая фотографии масок. Аристократ-янбан с высокомерной улыбкой, молодая девушка Буне с кокетливым наклоном головы, Хальми — сморщенная старуха-вода, Пэкчжон — мясник с перекошенным ртом... Все девять масок традиционного танца талчхум, каждая из которых — воплощение определенного характера, определенного порока или добродетели. Насколько Джувон помнил, их было двенадцать, но до наших дней дошло именно девять.

— Красиво, правда? — мягко сказал Кегван. — Эти маски использовались веками для ритуальных танцев. Они впитывали эмоции зрителей: смех, слезы, гнев, похоть и не только, становились чуть ли не живыми... Не в буквальном смысле, конечно. Но энергетически...

Он замолчал, давая Джувону время рассмотреть изображения. Понять, что именно нужно учителю, было пока сложновато.

— Первый расклад, — наконец произнес Кегван. — Я хочу знать: пройдет ли выставка успешно? Будет ли она иметь культурное значение? Привлечет ли внимание публики?

Джувон поднял взгляд:

— Только это?

— Только это, — подтвердил Кегван с невинной улыбкой. — Разве не простой вопрос?

Слишком простой. И от этого еще более подозрительный.

Но Джувон молча достал из сумки свою колоду Таро, завернутую в черный шелковый платок. Развернул, положил на стол и начал тасовать карты. Привычные движения успокаивали — это было его пространство и его контроль над ситуацией. Здесь он был не напуганным учеником, а медиумом, который знал свое дело.

— Сконцентрируйтесь на вопросе, — тихо сказал он, входя в рабочее состояние.

Кегван кивнул, сложив руки на коленях.

Джувон закрыл глаза, делая глубокий вдох. Почувствовал знакомое покалывание в кончиках пальцев. Это была энергия карт, готовых ответить. Он задал вопрос мысленно: «Что ждет выставку масок хахве?»

После чего начал медленно выкладывать карты.

Первая — прошлое. Колесо Фортуны в перевернутом положении, что значит цикличность, повторение и возвращение старого.

Вторая — настоящее. Дьявол, и он несет искушение, одержимость, зависимость.

Третья карта — будущее...

Джувон замер, глядя на изображение.

Башня, что несет разрушение, катастрофу и крах устоявшегося порядка.

Он медленно поднял взгляд на Кегвана. Тот смотрел на карты с невозмутимым выражением лица, но что-то в его глазах блеснуло. Интерес? Удовлетворение?

— Продолжай, — мягко сказал учитель. — Что ты видишь?

Джувон сглотнул. Его дар медиума подсказывал, что карты — это только поверхность. Под ними пряталось что-то еще. Он положил руку на колоду, закрыл глаза и позволил видению накрыть себя.

Вспышка.

Зал с масками. Тишина. Потом — тихий смех. Хриплый, как у Чоренги, что считается упрямым и несдержанным слугой аристократа. Маски начинают двигаться, хотя никто их не трогает. Лица людей меняются: искажаются, становятся похожими на маски. Женщина улыбается слишком широко, как красавица Буне. Мужчина смотрит с презрением, словно настоящий Янбан. Старуха плачет горькими слезами, будто взаправдашняя Хальми.

А по маске невесты Гакси почему-то идет трещина, совсем тонкая, как волос. И через трещину просачивается что-то... пустое.

Джувон резко открыл глаза, тяжело дыша. Сердце колотилось как ненормальное.

— Что ты видел? — спросил Кегван, наклоняясь ближе.

— Опасность, — хрипло ответил Джувон. — Маски... они не просто артефакты. Они голодные. Они будут забирать эмоции у людей, а потом...

Он замолчал, глядя на Башню на столе.

— А потом что-то пройдет через трещину, — тихо закончил он. — Что-то, чему нужно лицо.

Кегван плавно откинулся назад, задумчиво постукивая пальцем по губам:

— Интересно. Очень интересно.

— Вы знали, — медленно произнес Джувон, чувствуя, как холод ползет вдоль позвоночника. — Вы знали, что с этими масками что-то не так, поэтому и попросили расклад?

— Я... подозревал, — мягко поправил Кегван. — Разница существенная, мальчик мой. Подозрение — это никак не знание. А теперь, благодаря тебе, у меня есть подтверждение.

— И что вы собираетесь делать? — спросил Джувон, хотя боялся услышать ответ.

Кегван улыбнулся той самой теплой понимающей улыбкой, от которой хотелось бежать прочь, и сказал:

— Наблюдать и изучать. Возможно, направлять процесс в нужное русло. Ты же помнишь, что я говорил о голодных зверях? Они работают лучше, когда их правильно кормят.

— Вы не можете, — выдохнул Джувон, чувствуя, как его голос срывается. — Тогда пострадают люди. Вы же видели карты, Башня — это катастрофа!

— Катастрофа — понятие относительное, — философски заметил Кегван. — Для одних — крах, для других — возможность. Кроме того, Джувон-а, ты выполнил свою часть сделки и сделал расклад. Остальное — не твоя забота.

Джувон не нашелся, что сказать, только смотрел, как тот налил себе еще чаю, будто они обсуждали погоду, а не надвигающуюся катастрофу.

— Второй вопрос, — продолжил Кегван. — Касается тебя лично.

Джувон замер:

— Меня?

— Да. Я хочу знать, какова твоя роль в грядущих событиях? Станешь ли ты тем, кто помешает или, наоборот, поможет?

— Я не буду вам помогать, — резко бросил Джувон.

— Не мне, — мягко поправил Кегван. — Я спросил про события. Про маски и то, что придет. Разве ты не любопытен? Неужели не хочешь знать, какую роль сыграешь в этой истории?

Джувон сжал зубы. Каждая клеточка тела кричала, чтобы он взял карты, встал и ушел. Но он дал слово именно на три расклада, поэтому должен закончить.

Ничего не оставалось, как дрожащими руками начать тасовать колоду.

Второй расклад показал выпавших Мага, Влюбленных и Правосудие.

Джувон молча смотрел на карты, пытаясь понять их послание. Маг — мастерство и умение манипулировать энергиями. Влюбленные — выбор? Важное решение? Правосудие — баланс и последствия каких-то действий.

— Ты будешь в центре событий, — тихо сказал Кегван, с интересом глядя на карты. — Придется выбирать, дорогой мой. И этот выбор определит исход.

— Исход чего?

— Того, выживут люди или нет, — невозмутимо ответил учитель. — Значит, ты важен. Хорошо. Очень хорошо. Третий вопрос, последний... — Он помолчал, будто смакуя момент. — Что мне нужно знать о сущности, которая придет через трещину?

Джувон похолодел. Значит, Кегван действительно в курсе и даже не сомневается. Он не просто подозревает — он знает, что придет что-то извне.

— Зачем вам это? — хрипло прошептал Джувон.

— Знание — сила, — просто ответил Кегван. — А я предпочитаю быть во всеоружии.

Джувон не хотел делать этот расклад. Всем нутром чувствовал, что открывать Кегвану эту информацию — опасно. Но отказаться означало нарушить договор, а с Нам Кегваном этого делать не стоило.

Третий раз карты тасовались через силу и с явной неохотой. Он собрался с духом и разложил последний расклад.

Смерть. Луна. Перевернутый Отшельник.

Видение накрыло холодной волной.

Гладкое лицо без черт. Голова, склоненная набок. Пустые глаза, в которых ничего нет: ни души, ни личности, ни истории. Только голод. Огромный всепоглощающий голод. Лицо смотрит в зеркала, в витрины, в любые отражения. Ищет. Примеряет. Пытается найти форму, в которой сможет существовать.

«Хубальгви, — шепчет что-то в глубине сознания. — Тот, кто крадет лица».

Джувон резко вышел из видения, хватая ртом воздух. Даже ухватился за края стола, потому что вокруг пространство будто поплыло.

— Оно... оно ищет лицо, — хрипло сказал он. — Не просто внешность. Оно ищет... личность, которую можно забрать.

Кегван внимательно слушал, сложив пальцы домиком.

— И где оно будет искать?

— Там, где люди меняют лица, — прошептал Джувон, чувствуя, как по спине ползут мурашки.

Мысли путались и наскакивали одна на другую. Надо бы успокоиться, только не выходит.

— Вот как, — понимающе кивнул Кегван. — Логично. Спасибо, Джувон-а. Ты очень помог.

— Я не хотел помогать, — глухо сказал Джувон, сгребая карты обратно в колоду.

— Но ты выполнил договор, — мягко ответил Кегван. — И теперь ты свободен. Долг закрыт. Можешь идти, мальчик мой.

Джувон так хотел сбежать, что, не произнеся ни слова, поднялся на дрожащих ногах и принялся запихивать карты в сумку. Требовалось как можно быстрее выбраться отсюда. Но у двери он все же остановился и обернулся:

— Почему вы это делаете? Зачем вам... эта сущность?

Нам Кегван посмотрел на него долгим оценивающим взглядом:

— Потому что, Джувон-а, хаос можно контролировать только тогда, когда знаешь его правила. А я намерен узнать все-все правила.

Больше сказать было нечего. Джувон вышел из студии так быстро, словно бежал от чудовища. Дышать было тяжело, а грудь будто сдавило тисками.

Он сделал то, что обещал. Три расклада. Долг закрыт.

Но карты показали самый настоящий кошмар. И самое страшное, что он дал Нам Кегвану именно ту информацию, которую тот хотел.

***

Улица Инсадона встретила его туристической толпой, криками уличных торговцев и запахом жареных блинчиков хотток. Джувон остановился у края тротуара, доставая телефон дрожащими руками, и набрал номер Енчжу.

— Ты выжил? — спросил психиатр вместо приветствия.

— Выжил, — хрипло ответил Джувон. — Но у нас проблема. Большая проблема.

Вряд ли Енчжу удивился, потому что невозмутимо уточнил:

— Где ты сейчас?

— Инсадон. Только что вышел от Нам Кегвана.

— Не двигайся, и я за тобой заеду. Двадцать минут.

Джувон опустился на ближайшую скамейку, сжимая телефон в руках. Вокруг фотографировались парочки на фоне традиционных ворот, дети тянули родителей к киоскам со сладостями, туристы разглядывали веера и керамику. Никто не знал, что совсем скоро в Каннаме откроется выставка, которая станет катастрофой.

Башня.

Он закрыл глаза, снова видя карту. Разрушение старого и крах устоявшегося порядка. В классическом Таро Башня означала внезапное и часто болезненное озарение. Момент, когда рушится все, что казалось надежным. А в его собственном видении были маски и люди с искаженными лицами. Трещина... тонкая, как волос. Она почему-то пугала больше всего.

— Простите, молодой человек, — раздался рядом женский голос.

Джувон поднял взгляд. Перед ним стояла пожилая женщина в элегантном сером пальто. Седые волосы были убраны в аккуратный пучок. Она держала в руках брошюру, на которой было написано: «Лики Хахве. Восемьсот лет смеха и смерти».

— Вы не подскажете, как пройти к Культурному центру по этому адресу? — спросила она с улыбкой. — Хочу попасть на открытие выставки. Говорят, маски привезли антикварные. Восемьсот лет истории!

Джувон почувствовал, как внутри все сжалось. Он посмотрел на женщину внимательнее. Добрая безобидная аджумма, которая просто хочет посмотреть на красивые старинные маски. Она понятия не имеет, что идет прямо в ловушку.

— Не ходите туда, — вырвалось у него прежде, чем он успел подумать.

Женщина удивленно подняла брови:

— Простите?

— На выставку, — сказал Джувон и встал, стараясь говорить спокойно. — Там... там будет опасно. Не ходите, пожалуйста.

Женщина отступила на шаг, глядя на него с опаской. Наверное, решила, что он сумасшедший. Может, так и было. Возможно, он действительно сходил с ума.

— Спасибо за беспокойство, — холодно сказала она и быстро пошла прочь, оглядываясь через плечо.

Джувон опустился обратно на скамейку, закрыв лицо ладонями. Что он вообще делает? Пытается предупреждать случайных прохожих о надвигающейся катастрофе? Они же не поверят. Никто не поверит, пока не случится что-то ужасное!

А оно случится. Он это точно видел по картам.

И теперь вопрос был только в одном: успеют ли они остановить это до того, как Башня падет? Или нет?

Глава 2

Енчжу, как и обещал, приехал ровно через двадцать минут.

Джувон все еще сидел на той же скамейке, сжимая телефон в руках и пытаясь успокоить дыхание. Темно-синее авто остановилось у обочины, и психиатр вышел на улицу, тут же окинув Джувона оценивающим взглядом.

— Выглядишь отвратительно, словно вы с Кегваном подрались, — констатировал Енчжу. — Ладно, поехали. Тебе нужно поесть.

— Я не голоден.

— Это не обсуждается, — отрезал Енчжу.

Они поехали в небольшое кафе на соседней улице. Тихое место, где подавали приличный суп из водорослей и свежий кимбаб. Енчжу заказал два комплексных обеда и чай, даже не спрашивая Джувона.

Когда принесли еду, Джувон понял, что на самом деле был голоден. Очень. Последний раз он ел... когда? Утром? Память словно затуманилась после встречи с Кегваном. Вот уж точно змей.

— Ешь, — мягко сказал Енчжу, наливая ему чай. — А потом расскажешь все по порядку.

Джувон послушно взял палочки и принялся за еду. Суп был горячим и соленым, именно таким, как надо. Кимбаб — до безумия свежим, с идеальным рисом, хрустящим огурцом, сладковатой морковью и вкусным тунцом. Постепенно туман в голове начал рассеиваться.

— Больше долга нет, — наконец начал Джувон, отставляя пустую миску. — Я сделал все три расклада. Первый был про выставку масок хахве в Каннаме. Нам Кегван консультирует организаторов.

Енчжу нахмурился, но не перебивал, внимательно слушая дальше.

— Карты показали перевернутое Колесо Фортуны, Дьявола и Башню, — продолжил Джувон. — Прошлое, настоящее и будущее. Возвращение старого, одержимость и... катастрофа.

— Башня, — осторожно повторил Енчжу. — Не самая приятная карта.

В раскладах он не разбирался, но постоянное общение с тарологом волей-неволей уже давало какое-то понимание.

— Это еще мягко сказано, — вздохнул Джувон. — А потом было видение. — Он сглотнул, явно что-то вспоминая. — Я видел зал с масками. Они... двигались. Люди вокруг начинали вести себя странно, будто маски забирали их эмоции и... как бы это сказать, надевали на себя. Женщина улыбалась, как красавица Буне. Мужчина презирал всех, как аристократ Янбан, а старуха плакала, как вдова Хальми.

Енчжу отложил палочки, чуть хмурясь и явно анализируя услышанное.

— И еще одна маска. Гакси, то есть невеста. Понимаешь, на ней была трещина. Тонкая-тонкая, как волосинка. И через эту трещину... — Джувон замолчал, будто не зная, что сказать, потом продолжил: — Там что-то пыталось пройти, выбраться наружу. То, что старалось найти форму.

— Хубальгви, — вдруг тихо произнес Енчжу.

— Ты знаешь об этом? — вскинулся Джувон.

Вот чего не ожидал, так того, что Енчжу так быстро назовет этот термин.

— Как-то Геджин упоминал, а я запомнил. Дословно вроде переводится, как «тот, кто рожден после». Но на самом деле это старые легенды о сущностях, которые крадут лица. — Енчжу потер переносицу. — Я думал, это просто фольклор. Страшилки для детей.

— Кегван так не думает, — мрачно сказал Джувон. — Он спросил про сущность в третьем раскладе и хотел знать, что именно придет через трещину. И я... я ему сказал.

— Что именно ты сказал?

— Что оно ищет лицо, чью-то личность или форму, в которой сможет существовать. — Джувон сжал кулаки под столом. — Я смог ухватить его в видении. Нечто гладкое и без каких-либо черт. Просто... пустота с голодом внутри.

Енчжу молча налил еще чаю, обдумывая услышанное.

— А второй расклад? — спросил он наконец. — Ты сказал, их было три. А это только первый.

— Второй был обо мне, — чуть помедлив, ответил Джувон. — О моей роли в грядущих событиях. Маг, Влюбленные и Правосудие. Кегван сказал, что я буду в центре событий и мне придется выбирать. От этого выбора будет зависеть... зависеть, выживут люди или нет.

— Ай, молодец. Как ловко повесил на тебя ответственность, а сам ни при чем. Это в его стиле, — сухо заметил Енчжу. — Типичная манипуляция. Он делает так, чтобы ты чувствовал вину заранее.

— Может быть, — согласился Джувон. — Но карты не врут. Они действительно показали выбор, и я просто не знаю, какой именно.

Енчжу вздохнул. Вокруг слышался звон посуды, разговоры посетителей, шипение на кухне. Обычная жизнь, которая не знала о масках, трещинах и голодных сущностях.

— Нам нужен Геджин, — наконец сказал Енчжу, доставая телефон. — Если это действительно связано с ритуальными масками и древними сущностями, он единственный, кто может знать, как с этим справиться.

— Он мне уже писал, — кивнул Джувон. — Сказал, что Кегван — ублюдок и что нам нужно срочно встретиться.

— Тогда поехали. — Енчжу попросил счет. — Заедем к нему, а потом... думаю, нам стоит посмотреть на эти маски своими глазами.

***

Культурный центр выглядел как храм современного искусства: стеклянные стены, минималистичный дизайн и просто идеальное освещение. Джувон остановился у входа, разглядывая огромный баннер с изображением масок хахве. «Лики Хахве: восемьсот лет смеха и смерти. Открытие завтра в 18:00».

Завтра. У них было меньше суток.

— Впечатляет, — пробормотал Енчжу рядом, потирая подбородок. — Не думал, что они так серьезно подошли к оформлению.

— Слишком серьезно, — добавил стоящий рядом Геджин, недовольно прищурившись. — Чувствуете? Воздух тяжелый. Прямо как перед грозой. Не зря я взял дождевик.

Джувон кивнул. Он тоже это чувствовал. Едва они подъехали к центру, как что-то в воздухе изменилось, будто пространство вокруг здания стало гуще, насыщеннее. Все было настолько неправильно, что никого даже не удивило, что Геджин явился в ярко-желтом дождевике поверх красной рубахи и зеленых штанов, хотя с неба еще ничего не капало.

Геджин встретил их у входа в кафе неподалеку от центра. Приятное место с видом на парк, где они могли спокойно поговорить. Когда они вошли, старик уже сидел за столиком с чашкой крепкого кофе.

Джувон пересказал все заново, на этот раз более подробно. О раскладах, картах и видениях. О словах Кегвана про голодных зверей и правила хаоса. О том, как бывший учитель получил именно ту информацию, которую хотел.

Когда Джувон закончил, Геджин выругался так красочно, что официантка за соседним столиком чуть не уронила поднос с заказом.

— Этот ублюдок... — процедил Геджин сквозь зубы. — Он знал, конечно, он знал. И теперь будет сидеть в сторонке и смотреть, как все горит.

— Вопрос в том, — медленно сказал Енчжу, — можем ли мы остановить это до открытия? Или хотя бы минимизировать ущерб?

— Для начала нужно посмотреть на сами маски, — ответил Геджин. — Понять, насколько они... активны. Может, еще не поздно провести ритуал очищения.

— А если поздно? — тихо спросил Джувон.

Геджин посмотрел на него долгим задумчивым взглядом:

— Тогда придется закрывать выставку любой ценой. Даже если для этого надо будет устроить пожарную тревогу или что похуже.

После этого разговора они оказались у входа в Культурный центр ровно за день до открытия.

— Как мы вообще попадем внутрь? — спросил Енчжу. — Охрана же не пустит просто так.

Геджин ухмыльнулся и достал из кармана пластиковую карточку:

— У меня есть пропуск консультанта. Я тоже числюсь в команде. Правда, Нам Кегван об этом не знает.

Джувон широко раскрыл глаза:

— Как... Когда вы успели?

— Организаторы искали экспертов по традиционным ритуалам, — пожал плечами Геджин. — Я подал заявку через знакомых. Знаете, надо как-то подрабатывать, теперь у меня Пек-Пек, он жрет в три горла и требует разносолов. Не смотри, птенец, так, будто я его кормлю людьми. Так вот, мою кандидатуру одобрили. Просто я не собирался светиться, пока не понял, что тут что-то нечисто. А теперь как по-о-о-онял.

— Значит, и Кегван, и вы работаете на одну выставку? — медленно произнес Енчжу.

— Забавно, правда? — криво усмехнулся Геджин. — Но я, в отличие от этого мудака, не собираюсь кормить маски людскими эмоциями.

Они прошли через главный вход. Охранник равнодушно просканировал пропуск Геджина и махнул рукой, чтобы проходили, поверив, что парни — помощники шамана.

Холл встретил их приглушенным светом и запахом свежей краски. Где-то наверху было слышно, как работала дрель.

— Выставочный зал на третьем этаже, — сказал Геджин, направляясь к лестнице. — Лифтом лучше не пользоваться, что-то я сегодня суеверен.

Они поднялись по широкой мраморной лестнице. На втором этаже рабочие устанавливали стенды и тащили коробки с буклетами. Никто не обращал на них внимания.

Третий этаж уже был потише. Коридор, ведущий к выставочному залу, освещался только аварийными светильниками. Геджин остановился у массивной двойной двери с табличкой «Зал Восточного наследия. Вход только для персонала».

— Вот здесь, — тихо сказал он и приложил пропуск к считывателю.

Замок щелкнул, и дверь медленно открылась. Джувон сделал шаг внутрь и замер.

Этот зал был огромным. Высокие потолки, темные стены, точечное освещение, направленное на витрины. И в центре на специальных подставках располагались маски.

Девять масок хахве.

Они были расставлены полукругом, каждая на отдельной витрине из прозрачного стекла. Подсветка била снизу, создавая драматичные тени на деревянных лицах. Маски словно смотрели на входящих, хотя это, конечно, было всего лишь оптической иллюзией.

Но Джувон почувствовал, как по спине ползут мурашки.

— Господи, — прошептал Енчжу, останавливаясь рядом.

Значит, тоже почувствовал.

Геджин молча прошел вперед, пристально разглядывая маски одну за одной. Лицо его было напряженным. Джувон медленно двинулся вдоль витрин, рассматривая каждый экспонат.

Аристократ Янбан. Высокомерная улыбка, узкие прорези для глаз, изящные черты. Маска казалась почти живой, будто вот-вот заговорит снисходительным тоном.

Ученый Сонби. Задумчивое выражение, легкая морщинка на лбу. Было в этой маске что-то... печальное, словно она знала больше, чем хотела.

Чоренги или слуга. Внимательные глаза, нелепо торчащие уши, упрямство в каждой черте. Но глаза... глаза были хитрыми. Джувон поежился, отводя взгляд.

Имэ — простодушный парень, в народе и вовсе дурак. Детское лицо, открытая улыбка, не хватает нижней части. Но почему-то от этой маски становилось не по себе. Слишком уж простодушная. Слишком доверчивая. Слишком... простая?

Красавица Буне с изящным наклоном головы, кокетливой полуулыбкой и румянцем на щеках. Джувон невольно залюбовался тонкой работой мастера, создавшего эту маску. Каждая деталь была выверена до миллиметра.

Суровый, но простоватый мясник Бэкчжон. Монах Чжун, который совсем не прост и только и делает, что ждет нового поворота судьбы. Вдова Хальми с болью во взгляде. А вот и невеста Гакси с бледным лицом и едва заметная грустью в опущенных уголках губ. Маска словно замерла в ожидании чего-то неизбежного.

Джувон подошел ближе к витрине, вгляделся в деревянное лицо и увидел... трещину. Она была тонкой, почти невидимой, но она была. От нижнего края маски чуть левее подбородка шла едва заметная линия вверх. Сантиметра три — не больше.

Но все же она была.

— Учитель, — позвал Джувон, не отрывая взгляда от маски. — Идите сюда.

Тот подошел, взглянул на Гакси и побледнел:

— Проклятье.

— Это та самая трещина? — тихо спросил Енчжу, тоже подходя ближе.

— Да, — подтвердил Джувон. — Я видел ее в раскладе.

Геджин достал из кармана маленький фонарик и посветил на маску под разными углами. Трещина становилась более заметной в косом свете.

— Дерево старое, — пробормотал он. — Никто точно не скажет, сколько ей лет, но явно срок немалый. Могла треснуть от времени, перепада температур... да от чего угодно...

— Но вы не верите в это, — констатировал Енчжу.

— Нет, конечно, — честно ответил Геджин. — Не верю. Эта трещина... она не естественная. Видите, как она идет? Слишком ровная, отвратительно целенаправленная, будто что-то прорезало ее изнутри.

Джувон сглотнул. В памяти всплыло видение: гладкое лицо без черт, пустые глаза и голод. Голод-голод-голод. Хубальгви. Тот, кто крадет лица.

— Оно уже здесь? — прошептал он.

— Возможно, — осторожно ответил Геджин. — Или близко, трещина — это вход, птенец. Ну или выход. В зависимости от того, с какой стороны смотреть.

Енчжу достал телефон и сделал несколько фотографий маски с разных углов.

— Нужно задокументировать. Если что-то случится, это будет доказательством.

— Доказательством чего? — устало спросил Джувон. — Что маска треснула?

— Доказательством того, что мы предупреждали, — твердо сказал Енчжу. — Я позвоню организаторам. Скажу, что маска повреждена и требует реставрации. Это основание закрыть выставку.

— Они не послушают, — покачал головой Геджин. — Кегван приложил руку к организации. Он убедит их, что все в порядке. Скажет, что это незначительная трещинка, патина времени, которая придает аутентичность.

— Тогда что делать? — помолчав спросил Енчжу и убрал телефон в карман.

Геджин обошел витрину с Гакси, разглядывая маску со всех сторон. Потом перешел к остальным, будто что-то взвешивая.

— Хальми, — вдруг произнес он, останавливаясь у последней маски. — Старуха-вдова.

Джувон и Енчжу подошли. Маска изображала пожилую женщину с морщинистым лицом, опущенными уголками губ и глубоко посаженными глазами. Что-то в ней было невыносимо печальное.

— Что с ней? — спросил Джувон.

— Смотрите, — сказал Геджин, указав на края маски. — Видите, они темнее, чем все остальное? Дерево будто... впитало что-то. Влагу? Масло?

Джувон присмотрелся. Действительно, по краям маски шли темные пятна, будто дерево пропиталось чем-то липким.

— Это могут быть слезы, — тихо сказал Геджин. — Хальми — маска скорби, одиночества и потери. Если она действительно активна... то будет притягивать эти эмоции и кормиться ими.

— Кормиться? — переспросил Енчжу.

— Да, — кивнул Геджин. — Маски хахве создавались для талчхум — ритуальных танцев. Их задачей было вытягивать из людей эмоции, воплощать их и показывать в гротескной форме. Это было как своеобразное очищение. Но если маска впитывала слишком много... она начинала жить сама по себе. — Он обернулся, окидывая цепким взглядом весь зал: — Все эти маски использовались веками. Тысячи представлений. Еще больше людей, которые смеялись, плакали и злились, глядя на них. Вся эта энергия накапливалась и спрессовывалась в одно. И теперь... теперь эти маски голодны.

— А трещина на Гакси? — спросил Джувон.

— Гакси... маска с эмоциями, но есть кое-что еще, — мрачно ответил Геджин. — Это, как бы сказать... переход. Гакси — невеста, то есть девушка, которая ждет и еще не стала кем-то. Оставила девичество, но еще не вступила в замужество. Между «я одна» и «мы — семья». Идеальная маска для того, кто ищет лицо.

Некоторое время было так тихо, что можно было расслышать дыхание.

— Значит, — медленно произнес Енчжу, — нам нужно закрыть эту выставку до открытия. Иначе...

— Иначе сюда придут люди, — закончил Джувон. — И маски начнут забирать их эмоции. А хубальгви...

Он не договорил, впрочем, этого и не требовалось.

— У нас есть план? — спросил Енчжу, глядя на Геджина.

Последний задумчиво почесал затылок.

— Я могу провести ритуал запечатывания. Например, ночью, когда никого не будет. Пролезем сюда под предлогом, что надо провести ритуал благословения. Мой наниматель явно с приветом, верит во всякую чушь.

— И это говорит шаман? — изумился Джувон.

— В нашем деле, птенец, тоже чуши хватает, — не смутился он. — Так вот, надо начертить защитные символы вокруг витрин, прочитать молитвы усмирения. Это не изгонит сущности полностью, но... притупит их. Сделает менее активными.

— А Гакси? — спросил Джувон. — С ее трещиной-то что делать?

— С ней сложнее, — признал Геджин. — Трещина уже открыта, и ее нельзя просто заклеить или замазать. Нужен более серьезный ритуал. А еще время, которого у нас нет.

— Тогда нужно хотя бы предупредить людей, — твердо сказал Енчжу. — Я свяжусь с дирекцией центра. Скажу, что есть угроза безопасности.

— И какая, доктор психов? — ехидно поинтересовался Геджин.

— Скажу... утечка газа? Проблемы с вентиляцией? Что угодно, лишь бы отменили открытие.

— А если не отменят?

Енчжу посмотрел на маски, потом на друзей.

— Тогда мы будем здесь на открытии и постараемся минимизировать ущерб.

Джувон кивнул, понимая, что другого выхода не было.

— Хорошо, — согласился Геджин. — Я вернусь сюда ночью и проведу ритуал. Вы же попытайтесь достучаться до дирекции. И молитесь, чтобы у нас все получилось.

Они развернулись, направляясь к выходу. Но у двери Джувон обернулся, бросив последний взгляд на маски.

Девять деревянных лиц неподвижно смотрели в пустоту зала. Но Джувону почему-то показалось, что Чоренги теперь улыбается... чуть шире.

Глупости.

Он резко выдохнул и быстро вышел, закрывая за собой дверь.

***

Вечером Енчжу позвонил директору Культурного центра. Разговор длился двадцать минут. Джувон и Геджин сидели в квартире психиатра, напряженно слушая одну сторону диалога.

— Да, я понимаю, что это неудобно... Нет, я не пытаюсь сорвать мероприятие... Да, я врач, и именно поэтому я обеспокоен... Проблемы с вентиляцией могут вызвать... Господин Пак, прошу вас...

Енчжу замолчал, внимательно слушая, что говорят. Лицо его постепенно каменело.

— Понятно, — наконец сказал он ровным тоном. — Спасибо за уделенное время.

Джувон отметил, что прозвучало это приблизительно как «чтоб вы сдохли».

Психиатр положил трубку и тяжело опустился на диван:

— Отказались. Сказали, что все проверено, система вентиляции работает идеально, и никаких оснований для отмены нет.

— А Кегван? — спросил Геджин. — Он был на связи с директором?

— Да, — кивнул Енчжу. — Директор упомянул, что консультант Нам подтвердил полную безопасность выставки. Даже провел какое-то «энергетическое очищение пространства».

— Ублюдок, — выдохнул Геджин. — Он не только знает, что будет, но еще и защитил свой эксперимент от вмешательства. И меня уже не послушают, потому что этот козел явно держит все под своим контролем.

Джувон встал и подошел к окну. На улице сгущались сумерки. Где-то там в Каннаме, в пустом зале на третьем этаже, девять масок ждали завтрашнего дня. Ждали, когда придут люди, чтобы...

— Значит, остается один вариант, — тихо сказал он, не оборачиваясь к остальным. — Мы пойдем туда и попытаемся остановить то, что...

— Втроем против девяти голодных масок и неизвестной сущности? — уточнил Енчжу.

— Втроем, — подтвердил Джувон, поворачиваясь к друзьям. — У нас нет выбора.

Геджин хмыкнул:

— Ну, по крайней мере, будет весело. Я давно не был на культурном мероприятии. Надо же иногда и развиваться.

Енчжу покачал головой, но не мог осуждать.

— Тогда нам нужен план. Что делать, если маски действительно активируются?

— Я принесу атрибуты для экзорцизма, — пожав плечами, сказал Геджин. — Соль, освященную воду и защитные амулеты. Джувон, ты возьми карты. Они помогут определить, какая маска активна в данный момент.

— А я... буду психиатром, — вздохнул Енчжу. — Если люди начнут вести себя странно, попытаюсь вывести их из состояния... Понятия не имею, какого именно, но постараюсь.

— Звучит как план самоубийц, — невольно усмехнулся Джувон.

— Лучше план самоубийц, чем никакого плана, — философски ответил Геджин.

Еще час они обсуждали детали. Кто где будет стоять. Как действовать при разных сценариях. Что делать, если появится хубальгви.

Когда уже поздним вечером Джувон вышел на улицу, небо было затянуто тучами. Пахло дождем, и мелкие капельки срывались на землю. Если идти пешком, то можно промокнуть, пусть и не до нитки. Поэтому оставалось вызвать такси. Стоило выспаться, потому что завтра будет долгий день. Очень долгий.

Он прикрыл глаза, слушая шум ночного города за окном машины. Таксист включил радио, там играла какая-то старая баллада про любовь и расставание. Джувон не вслушивался в слова. Просто позволил музыке убаюкивать себя.

Внезапно в кармане завибрировал телефон. Сообщение от Геджина гласило:

«*Еду в центр. Буду работать до утра. Если что-то пойдет не так, ты узнаешь по новостям о пожаре в Каннаме*».

Джувон тихо фыркнул, пряча улыбку, и написал:

«*Постарайтесь не спалить здание, Чо-сонсэнним. Оставьте что-то нам с Енчжу*».

Тут же прилетело в ответ вместе с задумчивым стикером-утенком:

«*Обещать не могу, но попытаюсь*».

Джувон покачал головой. За окном проплывали неоновые вывески магазинов, кафе и круглосуточных минимаркетов. Город, который никогда не спит. И город, который не знает, что завтра в одном из его культурных центров может случиться что-то страшное.

Или они все просто параноики? Может, ничего не случится? Окажется, что трещина на маске — просто трещина, а его видение — перенапряжение после встречи с Кегваном?

Но Джувон знал, что это не так. Его дар никогда не давал сбоев, а карты в этот раз показали Башню. Башня точно не врет.

Такси остановилось у его дома. Джувон расплатился, вышел и поднялся к себе в квартиру. Включил свет, скинул обувь и бросил сумку на диван.

Здесь было тихо и по-своему уютно. Он подошел к окну и раздвинул шторы. Открылся вид на ночной город, миллионы огней и жизней, которые текли своим чередом.

Джувон вспомнил лицо той пожилой женщины с брошюрой. Она так хотела попасть на выставку и посмотреть на восемьсот лет истории. И он не смог ее убедить этого не делать.

Сколько таких людей придет завтра? Десятки? Сотни? И что с ними станет, если маски действительно проснутся?

Джувон отошел от окна и лег на диван, не раздеваясь. Шумно выдохнул и прикрыл глаза.

Но сон, как назло, не шел.

Парень лежал в темноте, слушая тиканье часов на стене и далекий гул города. Думал о Енчжу и его спокойной решимости. О Геджине и его циничном юморе, за которым скрывалась настоящая храбрость. О том, что завтра они втроем попытаются остановить нечто, которое не факт, что возможно остановить.

И, конечно, о Нам Кегване, который где-то там в своей студии пьет баснословно дорогой чай и наблюдает, как разворачиваются события. Прямо как шахматист, который уже просчитал все ходы.

«Хаос можно контролировать только тогда, когда знаешь его правила», — вспомнил Джувон его слова.

Но... что, если правил нет? Что, если это хаос в чистом виде?

Часы показывали два ночи, когда Джувон наконец провалился в беспокойный сон. Ему снились маски. Девять деревянных лиц, которые смотрели прямо на него. И Гакси медленно поворачивала голову. Трещина на ее щеке расширялась, превращаясь в жуткую улыбку, через которую просачивалось что-то мертвенно-бледное. Злое и голодное.

Что-то... у чего не было лица.

Глава 3

Чо Геджин ненавидел ночные смены.

Не то чтобы он боялся темноты, ибо после сорока лет работы шаманом темнота была его родной стихией. Просто в последнее время колени начали напоминать о себе при каждом шаге по холодному мрамору, а спина требовала нормальную кровать, а не бессонные ночи в пустых залах.

Но выбора не было.

Он шел по коридору третьего этажа Культурного центра, таща за собой большую спортивную сумку. Рюкзак порвался в самый неожиданный момент, поэтому пришлось его оставить Пек-Пеку.

В сумке лежали все необходимые атрибуты: соль (обычная и морская, на всякий случай), освященная вода из трех разных храмов, связка сушеных трав, красные нити, белый мел, черные свечи и небольшой барабан.

А еще бутылка соджу для храбрости. И пачка сигарет, хотя Геджин бросил курить пять лет назад. После этого, конечно, раз пятьдесят начинал снова, но всегда вспоминал момент, когда бросил именно в первый раз.

Потому что некоторые ночи требовали исключений.

Он приложил пропуск к считывателю у двери в Зал Восточного наследия. Щелчок — и дверь открылась.

Геджин вошел внутрь и замер.

Зал встретил его гробовой тишиной. Аварийное освещение давало тусклый свет, отбрасывая длинные тени от витрин. Девять масок хахве застыли в своих стеклянных клетках, будто ждали его.

— Ну здравствуйте, красавцы и красавицы, — пробормотал Геджин, опуская сумку на пол. — Надеюсь, вы не против ночного визита? Я тут решил немного... прибраться.

Маски молчали. Естественно. Что бы они могли еще сказать?

Но воздух в зале был тяжелым и густым, будто само пространство дышало, как огромный спящий зверь. Геджин почувствовал знакомое покалывание на затылке, словно кто-то трогал иголочкой. Предупреждение, что здесь было что-то живое.

— Ладно, давайте знакомиться по-хорошему, — сказал он, доставая из сумки соль. — Я — Чо Геджин, в прошлом шаман, а в настоящем пенсионер с больными коленями и скверным характером. Вы — древние артефакты, пропитанные человеческими эмоциями за много-много лет. Я пришел вас запечатать. Вы, конечно, будете против. Но давайте хотя бы попробуем сделать это цивилизованно и без лишней драмы. Договорились?

Разумеется, никто не ответил.

— Отлично, рад, что мы поняли друг друга, — кивнул Геджин и шумно открыл пакет с солью.

Начать стоило с Янбана. Она находилась на подставке первой слева в полукруге. Геджин обошел витрину, методично насыпая соль тонкой линией. Белые крупинки ложились ровной дорожкой на черный пол.

— Тебе, господин высокомерный аристократ, посвящается, — пробормотал он. — Пусть твоя гордыня останется внутри этого стекла и не выйдет наружу.

Соль легла замкнутым кругом. Геджин достал мел и начертил защитный символ прямо на полу перед витриной. Старый знак усмирения — круг с тремя линиями внутри.

Затем перешел к следующей маске ученого Сонби. Соль, символ, тихая молитва — та же процедура.

— Ты хотя бы выглядишь разумным, — заметил Геджин, рисуя круг. — Может, договоримся? Посидишь тихо, я тебе потом книжку почитаю. Философскую. Ну или эротическую с неприличными картинками.

В ответ — молчание.

— Ну ладно, как знаешь.

Чоренги был третьим. Маска слуги с хитрым прищуром и нелепыми ушами. Геджин посмотрел на нее, поморщился и честно сказал:

— А ты мне не нравишься. Слишком умный вид для дурака. Значит, ты можешь быть самым опасным.

Он особенно тщательно насыпал соль вокруг этой витрины. Двойной круг. И символ усмирения нарисовал покрупнее.

Дальше шли Имэ, Буне, Бэкчжон, Чжун, Хальми...

Работа шла медленно. Геджин чувствовал, как ноет спина от постоянных наклонов. Колени чертовски ныли, а руки покрылись белой пылью от мела.

Когда он дошел до маски вдовы, то остановился, задумчиво ее разглядывая. Темные пятна по краям дерева были заметнее в тусклом свете. Геджин провел пальцем по стеклу витрины, будто пытаясь понять, что именно впиталось в маску.

— Ты уже ешь, — тихо сказал он. — Голодная старушка. Сколько слез ты выпила за столетия? Сколько горя впитала?

Маска смотрела на него пустыми глазами. Геджин насыпал соль и нарисовал символ, потом прошептал молитву.

И наконец дошел до Гакси. Невеста стояла последней справа. Бледное деревянное лицо с едва заметной грустью. Геджин приблизился к витрине и посветил фонариком.

Трещина была на месте. Все такая же тонкая, но уже заметно длиннее, чем днем. Сантиметров пять — не меньше.

— Дьявол, девонька, — выдохнул Геджин. — Ты растешь.

Он быстро насыпал соль вокруг витрины. Не один круг, а сразу три. Потом достал из сумки красные нити и начал обматывать ими ножки витрины, связывая крепкими узлами.

— Держись там внутри, — бормотал он, затягивая узел за узлом. — Не лезь наружу. Знаешь ли, тебе тут не понравится. Люди злые, погода плохая, еда невкусная. Птенец мой совсем не понимает, что настоящей опорой в этом мире для него может быть только доктор психов. Оставайся в своем уютном стекле.

Трещина словно пульсировала в свете фонарика.

Геджин нарисовал перед Гакси не один символ, а целых пять. Круги, линии, иероглифы усмирения и запечатывания. Вскоре весь участок пола перед витриной был исписан белым мелом.

Когда дело было закончено, шаман выпрямился, потирая поясницу:

— Ну вот, теперь вы все в соляных кругах. Можете злиться, но наружу не выйдете.

Он отошел в центр зала, придирчиво оглядывая свою работу. Девять витрин, окруженных белыми линиями соли. Девять символов на полу. Красные нити на Гакси.

В общем-то, выглядело неплохо. Теперь оставалось главное — активировать защиту.

Геджин достал из сумки барабан. Совсем небольшой, на котором следовало играть одной рукой, и с потрепанной кожей. Он купил его тридцать лет назад у жутко старого шамана в Кенджу. Тот сказал, что барабан помнит сотни ритуалов и знает, как говорить с духами.

Геджин встал в центре зала, закрыл глаза и ударил по барабану. Глухой звук разнесся по пустому помещению. Еще удар. И еще. Ритм чем-то походил на сердцебиение. А потом Геджин затянул старую шаманскую молитву на языке, которому его учил наставник:

Духи, что живут в дереве,

Духи, что питаются эмоциями,

Слушайте меня!

Я запечатываю вас!

Соль — граница,

Символ — замок,

Слово — ключ!

Оставайтесь внутри.

До тех пор, пока не придет тот, кто снимет печать.

Барабан звучал все громче. Геджин чувствовал, как энергия поднимается от пола, проходит через его тело и растекается по залу.

Соляные круги начали... светиться? Хотя нет, показалось. Они просто стали более заметными, будто соль впитала лунный свет и теперь отдавала его обратно. Геджин продолжал петь, ударяя по барабану.

И тут что-то изменилось.

Воздух резко стал холодным, словно кто-то открыл невидимое окно прямо в зиму. Геджин замолчал, но продолжил бить в барабан.

Тихо-тихо. Совсем тихо. А в следующий миг послышался... смех. Тихий, хриплый, жутковатый. Он доносился откуда-то слева.

Геджин медленно повернул голову. Маска Чоренги. Слуга-дурак пристально смотрел на него. И губы маски... изогнулись? Или просто тени легли под другим углом. Это все просто показа...

Только смех не смолкал.

— Заткнись, — резко сказал Геджин и ударил по барабану сильнее.

Смех прервался. Но теперь откуда-то справа донесся другой звук, похожий на тихое всхлипывание, будто плакала старая женщина.

Хальми.

Геджин сжал зубы. Маски сопротивлялись и не хотели быть запечатанными.

— Я же просил без драмы, — процедил он. — Но нет, вам обязательно надо устроить цирк!

Он начал бить в барабан быстрее и громче. Молитва полилась мощным потоком, слова загромыхали в пустом зале:

Я запечатываю!

Именем неба!

Именем земли!

Именем тех, кто был до меня!

Соляные круги вспыхнули ярче. В следующий момент раздался громкий отчетливый треск.

Геджин замер. И медленно-медленно повернулся к витрине с Гакси.

Прямо на его глазах тонкая линия трещины поползла вверх, словно ее прочерчивал невидимый палец по дереву.

— Нет-нет-нет! — Геджин бросил барабан и бросился к витрине.

Он схватил бутылку освященной воды из сумки, открыл и плеснул прямо на стекло. Вода стекла вниз, оставляя мокрые следы.

— Стой! — крикнул он. — Я же тебя запечатал! Ты не можешь...

Трещина замерла. На секунду Геджину показалось, что сработало. Но потом он почувствовал дикий холод, от которого мгновенно заныли зубы, а дыхание превратилось в белый пар.

Что-то... за ним наблюдало. Внутри все будто онемело.

Геджин осторожно обернулся и увидел, что в центре зала, там, где он стоял еще минуту назад, было... пустое место. Только вот что-то в этом месте выглядело неправильным.

Сам воздух искажался и дрожал, будто пытаясь соткаться в определенную форму.

Геджин сглотнул, чувствуя, как немеют руки и ноги.

Хубальгви.

Он здесь. Еще не полностью проявился, но присутствие уже чувствуется.

— Отлично, — хрипло сказал Геджин, пятясь к сумке. — Просто чудесно. Я пытаюсь запечатать маски, а вместо этого приглашаю на чай древнюю сущность. Может, еще дракона вызвать? Или Кегвана? Хотя второе хуже.

Он нащупал рукой сумку, не отрывая взгляда от искаженного воздуха. Достал горсть соли и швырнул в центр зала. Белые крупинки пролетели сквозь странную зону и... исчезли. Просто растворились в воздухе, не долетев до пола.

— Проклятье — выдохнул Геджин. — Это плохо. Это очень-очень плохо.

Искажение начало медленно смещаться в его сторону. Геджин схватил сумку и рванул к выходу. Бежать в его возрасте было унизительно, но живой трус лучше, чем мертвый герой.

Он выскочил из зала, захлопнул за собой дверь и прислонился к стене, тяжело дыша. Сердце колотилось, готовое выпрыгнуть из груди, а руки мерзко дрожали.

— Ну и ночка, — пробормотал он, доставая телефон.

Экран показывал без чего-то четыре утра.

Геджин открыл список контактов, быстро нашел «Птенец» и нажал на вызов.

В ухо понеслись долгие гудки. Один, два, три... семь, восемь...

— Алло? — сонный голос Джувона прозвучал чуть раздраженно. — Учитель? Вы знаете, который час?

— Послушай меня внимательно, птенец, — серьезно сказал Геджин. — Ритуал запечатывания частично провалился.

Повисла пауза, а за ней короткий выдох:

— Что значит «частично»?

— Значит, что маски я все-таки запечатал. Но в процессе разбудил то, что пряталось за трещиной. Хубальгви еще не материализовался полностью, но... уже очень близко. Намного ближе, чем я думал.

Джувон после этого окончательно проснулся:

— Вы его видели?

— Скорее... почувствовал, как искажение пространства и чудовищный холод. Соль сквозь него проходит, как сквозь воду. Это не просто дух, Джувон. Это что-то... другое.

— Что... теперь?

Геджин поскреб небритую щеку пальцами:

— Теперь? Ну... будет хуже, чем мы думали. Печати на масках продержатся какое-то время, но недолго. Может, несколько часов. Надеюсь, что не меньше. А хубальгви... он уже почти здесь, и ему нужна только одна вещь.

— Какая?

— Лицо, — тихо ответил Геджин. — Чье-то живое лицо. И на открытии завтра будет полно народу.

Повисла тяжелая тишина.

— Значит, мы обязательно должны прийти, — наконец сказал Джувон. — И не дать ему... взять чье-то лицо.

— Именно, — кивнул Геджин, хотя Джувон его не видел. — Собирайся. Позвони доктору. Встречаемся завтра в пять вечера у входа в центр за час до открытия. Нам нужно подготовиться.

— Хорошо. А вы, учитель... вы в порядке?

Геджин усмехнулся:

— Я старый козел, который чуть не обделался от страха в этом гребаном зале. Колени болят, и ноет спина. Но в остальном — в полном порядке.

— Учитель, я...

— Поспи еще, птенец. К вечеру мы должны быть готовы, — сказал он и отключился.

Постоял еще минуту, глядя на закрытую дверь зала. Потом развернулся и медленно пошел по коридору к лестнице, еле таща сумку за собой. Барабан остался в зале — не было сил за ним вернуться.

Когда Геджин вышел на улицу, рассвет только начинал окрашивать небо бледно-розовой краской. Открывались круглосуточные магазины, и проезжали первые автобусы.

Он достал из кармана мятую пачку сигарет, которую прихватил «на всякий случай». Вытащил одну и прикурил.

Первая затяжка обожгла легкие. Он хрипло закашлялся.

— Пять лет не курил, — пробормотал он себе под нос. — И вот опять начал. Все из-за этих проклятых масок.

Пятьдесят возвратов, конечно, не считаются.

Когда сигарета была докурена, Геджин затушил ее о стену и медленно побрел к остановке автобуса.

Нужно было поспать хотя бы пару часов, принять душ, покормить петушиного засранца и переодеться в что-то, более... подходящее для экзорцизма.

И, пожалуй, съесть что-нибудь, желательно поострее, чтобы проснуться окончательно. Потому что сегодня вечером в Культурном центре откроется выставка, на которой начнет твориться черт знает что. И проклятый хубальгви попытается забрать чье-то лицо.

— Втроем против девяти голодных масок и бестелесной сущности, — пробормотал Геджин, садясь на скамейку на остановке. — Отличный план. Просто замечательный. Надеюсь, в следующей жизни я рожусь занудным бухгалтером, который будет считать зарплату и иногда шлепать по заду хорошенькую секретаршу босса. Ну, или сантехником, но только не шаманом.

Когда подъехал нужный автобус, Геджин поднялся и вошел внутрь. Салон был почти пустым. Пара сонных офисных работников, старушка с сумкой и парень в наушниках. Обычные люди, которые ехали по своим обычным делам.

Геджин опустился на сиденье у окна и прислонился лбом к гладкому стеклу. Охлаждает, хорошо, да-а-а... Геджин закрыл глаза. В голове крутились мысли, наскакивая одна на другую. Он мог бы позвонить в полицию и сказать, что в центре опасность. Заложена, например, бомба. Ну или там утечка газа. Да что угодно, лишь бы отменили открытие.

Но полиция не поверит. Придут, проверят, ничего не найдут и решат, что он псих. А крокодил наверняка предусмотрел эти варианты и защитил свое мероприятие от любых попыток сорвать его.

Нет. Единственный способ остановить это — быть прямо на месте и действовать, когда все начнется. Если начнется. Хотя Геджин прекрасно знал, что иначе не будет. Обязательно начнется, потому что трещина на маске Гакси уже раскрылась, и хубальгви сделал шаг наружу.

Все идет по плану. Правда, план какой-то откровенно хреновый. Автобус тронулся, и за окном поплыли улицы, окутанные свежестью раннего утра.

Геджин достал телефон и посмотрел на экран. Так... прошло полчаса с момента звонка птенцу. Еще тринадцать часов до открытия выставки. Тринадцать часов до того, как все пойдет к чертям. Он качнул головой и снова закрыл глаза. Нужно было отдохнуть, потому что сегодня вечером понадобится все, что у него есть. И даже больше.

***

После звонка шамана Джувон положил трубку и уставился в потолок. Спать уже не хотелось, да и слова Геджина крутились в голове, не давая расслабиться.

Хубальгви уже почти здесь.

Ему нужна только одна вещь — лицо.

Джувон медленно сел на кровати, обхватив голову руками. В груди гулко билось сердце.

Он вспомнил свое видение, где было гладкое лицо без черт и пустота с голодом внутри. То, как оно смотрело в зеркала, витрины и любые отражения. Оно искало то, что можно... примерить на себя. То есть живых людей, разумеется, с живыми лицами. И одно из этих лиц хубальгви попытается забрать.

Джувон потянулся к телефону и открыл чат с Енчжу:

«*Только что звонил Геджин. Все плохо. Встречаемся завтра в 17:00 у центра*».

Ответ пришел почти мгновенно. Видимо, Енчжу тоже не мог спать и что-то чувствовал.

«*Понял. Я буду вовремя*».

Ну да. Психиатр никогда не опаздывал. Джувон теперь не будет опаздывать тоже.

Он встал и поплелся в ванную, чтобы принять душ и взбодриться. Пусть Геджин и сказал спать, но уже не получится. Может, после душа отправиться на пробежку?

Джувон невольно усмехнулся. Кошмар, так и до здорового образа жизни дойти можно!

Глава 4

Правда, потом он все равно пришел и отрубился. А проснулся от звонка будильника в половине третьего дня.

Спал, разумеется, плохо. Урывками и постоянно просыпаясь от каждого шороха. Снились маски, которые окружали его и злобно хохотали. Когда Джувон наконец открыл глаза, голова раскалывалась, а во рту было сухо.

Он встал, принял душ и оделся. Черная рубашка, темные джинсы, часы. Ничего броского, ведь нужно было раствориться в толпе посетителей.

В сумку Джувон положил колоду Таро, бутылку воды, телефон с полностью заряженным аккумулятором и... нож для бумаги. Глупо, конечно. Что он собирался резать? Духов? Но рука сама потянулась к нему, и Джувон не стал спорить с инстинктом.

Через полчаса телефон пиликнул сообщением от Енчжу:

«*Скоро заеду за тобой*».

Джувон ответил коротким «*ок*» и откинулся на спинку дивана. Время тянулось невыносимо медленно. Он пытался читать, но слова не складывались в предложения. Включил телевизор, где шло кулинарное шоу с популярным актером, который играл в дораме вспыльчивого священника, но выключил через пять минут. Шоу было хорошим, но сейчас не спасало.

Когда часы показали половину пятого, в дверь позвонили.

Енчжу стоял на пороге в сером костюме, даже без галстука он выглядел отвратительно официальным, а еще совершенно спокойным. Только Джувон заметил, что и психиатр сжимает ручку кейса чуть сильнее, чем нужно.

— Готов? — спросил Енчжу.

— Как можно быть готовым к такому? — честно ответил Джувон.

— Никак, — кивнул тот. — Но мы уже, кажется, привыкли вламываться без достаточной моральной подготовки.

Они спустились к машине. По дороге молчали, потому что каждый думал о своем.

Джувон смотрел в окно на проплывающие улицы Сеула. Солнце, белые облака и люди, гуляющие в парках. Енчжу вел удивительно мягко и плавно, хоть машина и была новой.

— Ты боишься? — вдруг спросил Енчжу, не отрывая внимательного взгляда от дороги.

Джувон закусил нижнюю губу, потом выдохнул:

— Да. А ты?

— И я, — честно ответил психиатр. — Но я научился работать со страхом. Признавать его, но не позволять ему управлять действиями.

— Это что-то из твоих лекций для пациентов?

— Нет, это из личного опыта.

Джувон сглотнул. Опыт у него тоже был, но вот пока такой непробиваемостью он похвастаться не мог.

Они приехали к Культурному центру в нужное время, и у входа их уже ждал Геджин. Он выглядел... странно. Нет, серьезно. Одет в темно-синий костюм, белую рубашку и даже галстук. Официальнее, чем Енчжу! Волосы аккуратно собраны в хвост. Вместо обычной потрепанной сумки и рюкзака — приличный кожаный портфель.

Некоторое время оба просто смотрели на него, не в силах поверить собственным глазам.

— Учитель, я вас не узнаю, — присвистнул Джувон, выходя из машины. — Вы в костюме? Это вообще законно?

— Заткнись, птенец, — буркнул Геджин, поправляя галстук. — Я — консультант выставки, должен выглядеть респектабельно на фоне крокодила.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Енчжу, оценивающе глядя на старика.

— Как человек, который не спал всю ночь, чуть не испачкал от страха весь коридор и теперь собирается противостоять древнему злу в душном зале, — сухо ответил Геджин. — В остальном — прекрасно.

— Что у вас в портфеле? — поинтересовался Джувон.

— Соль, освященная вода, амулеты и травы, то есть стандартный набор. Все, что может пригодиться, если маски активируются, — сказал Геджин и оглядел их обоих. — У вас?

Джувон поднял сумку:

— Карты Таро, вода и нож.

— Нож? — приподнял бровь Геджин.

— Для бумаги, — смущенно пояснил Джувон. — Просто... захотелось взять.

— Какие неуемные у тебя желания, птенец. Ну ладно, у нас свободная страна. Енчжу?

Психиатр открыл свой кейс. Внутри лежали блокнот, ручка, планшет и... шприц с какой-то жидкостью.

— Еще интереснее, — заметил Геджин.

— Седативное, — невозмутимо пояснил Енчжу. — На случай, если кто-то из посетителей впадет в острый психоз. Плюс нашатырный спирт для приведения в чувство.

— Ты принес шприц на культурное мероприятие, — медленно произнес Джувон.

— ...укорил меня человек, который принес нож.

Джувон поперхнулся, а Геджин хмыкнул:

— Ладно, мальчики, наш план такой: заходим по отдельности и не привлекаем внимания. Я как консультант пройду официально, а вы двое как обычные посетители. Занимаем места в зале так, чтобы получился треугольник. Я у выхода, а вы — слева и справа от масок. Если что-то начнется, действуем по обстановке. Главное, не паниковать и держать связь.

— Связь? — озадаченно переспросил Джувон.

Геджин достал из кармана три маленьких рации:

— Нашел у себя в чулане, работают на одной частоте, так что берите.

Джувон и Енчжу переглянулись. Старый шаман был полон сюрпризов. Рации действительно работали. Спорить, что пользоваться ими странно, никто не стал, потому что... Потому что тут, в принципе, все странно!

— Отлично, — кивнул Геджин, потирая руки. — Тогда вперед. И помните, если начнется что-то совсем плохое, эвакуируем людей и бодро сваливаем сами. Геройствовать не нужно.

— А как поймем, что началось «совсем плохое»? — осторожно уточнил Джувон.

— Поверь мне, птенец, — мрачно усмехнулся Геджин, — ты все поймешь.

***

В Культурном центре уже собиралась публика.

Фойе было заполнено людьми в элегантных нарядах. Женщины в платьях, мужчины в костюмах, несколько пожилых пар, студенты с камерами и журналисты. Официанты разносили бокалы шампанского и аккуратные канапе.

Джувон вошел следом за группой молодых людей, стараясь не выделяться, и огляделся. Обычное открытие выставки вроде бы. Светские разговоры, легкий смех и звон бокалов. Никто не подозревал, что на третьем этаже есть то, с чем лучше не сталкиваться.

Он достал телефон, сделав вид, что проверяет сообщения, и медленно направился к лестнице.

— Простите, молодой человек, — окликнула его девушка с планшетом. Бейдж на груди гласил: «Помощник куратора Ким Мина». — Вы на выставку масок хахве?

— Да, — кивнул Джувон.

— Открытие начнется через час на третьем этаже. Пока можете осмотреть другие залы или взять бокал шампанского.

— Спасибо, — улыбнулся Джувон.

После чего отошел в сторону, делая вид, что рассматривает информационные стенды. На самом же деле искал глазами Енчжу и Геджина.

Енчжу стоял у дальней стены, о чем-то беседуя с пожилым мужчиной. Спокойно так, естественно, будто за этим сюда и пришел. А вот Геджина он нашел не сразу. Старый шаман стоял у ступенек наверх, разговаривая с организаторами. Кивал, улыбался и изображал профессиональный интерес.

Джувон достал рацию и тихо произнес:

— Птенец на месте.

В эфире появилось тихое потрескивание, а потом послышался голос Геджина:

— Наложница на позиции.

— Налож... ница?

— А ты хотел наложника? — невозмутимо уточнил Геджин. — Доктор, ты на связи?

— Доктор на месте, — отозвался Енчжу. — Все спокойно.

— Пока спокойно, — поправил Геджин. — Ждем шесть вечера.

Время будто превратилось в густой тягучий мед.

Джувон бродил по первому этажу, делая вид, что изучает экспонаты. Сердце колотилось как ненормальное, ладони вспотели. Он незаметно вытер их о джинсы.

Ближе к часу икс раздался звук гонга — сигнал, что открытие начинается.

Толпа шумной рекой потекла к лестнице. Джувон влился в поток, вместе со всеми поднимаясь на третий этаж.

Они прошли коридор и увидели, что двери в Зал Восточного наследия распахнуты настежь. Внутри уже горел свет и играла тихая традиционная музыка.

Джувон вошел и замер. Зал был полон людей. Минимум семьдесят, а то и больше. Они стояли вокруг витрин с масками, разглядывали, фотографировали и громко обсуждали.

И маски...

Маски смотрели на них.

Девять застывших деревянных лиц, но Джувон чувствовал: что-то было не так. Воздух ощущался слишком плотным, а сама обстановка тяжелой.

Он нашел глазами Енчжу. Тот стоял справа от витрин прямо у стены. Перехватил его взгляд и едва заметно кивнул.

Геджин занял позицию у выхода. Чуть приоткрытый портфель стоял у его ног. Джувон медленно обошел зал, выбирая место слева. Встал так, чтобы видеть все витрины. Трещина Гакси... Ох, какой ужас по сравнению с тем, что он видел до этого.

— Господи, — одними губами прошептал Джувон.

Он достал рацию и тихо произнес:

— Трещина выросла. Очень сильно.

И только потом понял, что Геджин это и так знает. Да и Енчжу уже понял.

В этот момент к микрофону в центре зала подошел мужчина в дорогом костюме. Судя по всему, это был директор центра.

— Дамы и господа, — торжественно начал он. — Добро пожаловать на открытие выставки «Лики Хахве: восемьсот лет смеха и смерти». Сегодня мы представляем вашему вниманию уникальную коллекцию масок традиционного корейского театра...

Джувон не слушал. Он смотрел на маски. Янбан, Сонби, Чоренги, Имэ, Буне, Бэкчжон, Чжун, Хальми и Гакси. Все они здесь... а ведь считается, что масок изначально было двенадцать. Но бакалавр Чонгак, сборщик налогов Бельче и старик Токтари считаются потерянными.

А через секунду в зале резко погас свет. Раздались удивленные возгласы. Кто-то тихо засмеялся, наверное, подумал, что это часть шоу.

Но Джувон знал, что это не шоу.

Через несколько секунд свет вспыхнул снова. Включилось аварийное освещение, заливая весь зал.

В следующую секунду зазвенел пронизывающий до костей крик.

Джувон резко обернулся.

Женщина лет сорока стояла перед витриной с маской вдовы Хальми и... плакала. Громко, навзрыд, как плачут на похоронах. Слезы текли по лицу, тушь размазалась, оставляя некрасивые следы на щеках.

— Что с ней? — растерянно спросил кто-то из толпы.

— Госпожа, вам плохо? — подошел охранник.

Но женщина не слышала, просто стояла и плакала, глядя на маску. А Хальми смотрела на нее, и темные пятна по краям маски... становились влажными, словно дерево напитывалось жидкостью.

— Черт, — выдохнул Джувон. — Она кормится прямо сейчас. Хальми кормится ее горем.

Он бросился к женщине, но тут услышал за спиной смех. Громкий, резкий, почти истеричный.

Глянув через плечо, увидел, как парень лет двадцати пяти на вид замер перед витриной с Чоренги. Стоял и смеялся так, что аж сгибался пополам. Хохотал и не мог остановиться.

— Помогите ему! — вскрикнула в ужасе его спутница. — С ним что-то не так!

Енчжу пробирался сквозь толпу к парню. Джувон видел, как психиатр достает из кармана нашатырь.

Но было уже поздно, потому что начали просыпаться другие маски.

Хорошенькая девушка подошла к витрине с красавицей Буне и вдруг начала странно двигаться, словно в танце под неслышную музыку. Слишком кокетливо, плавно и манерно. Она повернулась к стоящему рядом мужчине и улыбнулась так, будто хотела соблазнить его.

— Оппа-а-а-а, — игриво протянула она. — А ты симпатичный!

Мужчина опешил:

— Извините?

Но девушка уже прижималась к нему, смеясь тем самым томным смехом, который был характерен для маски Буне в традиционных танцах.

Пожилой мужчина у витрины с Янбаном вдруг в мгновение ока выпрямился. На его лице появились надменность и презрение. Он оглядел окружающих и брезгливо поморщился:

— Какая мерзкая толпа, — процедил он сквозь зубы. — Простолюдины. Как вы вообще посмели явиться сюда?

— Дедушка, ты о чем? — изумилась стоящая рядом внучка в розовом платьице.

— Не смей обращаться ко мне так фамильярно! — отрезал он. — Я не твой дедушка, ты — грязь под моими ногами.

В зале началась паника.

Люди кричали и нервничали. Кто-то пытался помочь тем, кто вел себя странно. Охранники растерянно переговаривались по рациям. Директор центра пытался успокоить публику.

Но было слишком поздно, потому что маски больше не желали оставаться всего лишь экспонатами. Джувон стоял посреди всего этого хаоса и судорожно соображал, что делать. Рука сама потянулась к сумке. Карты Таро. Может быть, они покажут, как остановить это? Правда, сейчас тянуть карту — сумасшествие.

Он достал колоду, но тут услышал голос Геджина в рации:

— Птенец! Доктор! К выходу! Немедленно!

— Что? — выдохнул Джувон. — Мы не можем их бросить!

— Смотри на Гакси! — рыкнул Геджин. — Смотри на чертову невесту!

Джувон резко повернул голову. Маска только каким-то чудом держалась, не рассыпаясь на две половинки. Хубальгви выходил из трещины.

— Все вон из зала! — заорал Геджин так, что у Джувона чуть не остановилось сердце, а потом что-то выхватил из портфеля. — Эвакуация! Немедленно!

Охранники не понимали, что происходит, но тон был настолько командным, что они автоматически начали выводить людей.

Толпа в панике кинулась к выходу. А Джувон стоял как вкопанный, не в силах оторвать взгляд от маски Гакси. То, что выбиралось из нее, не имело ни тела, ни лица.

— Джувон! — Рука Енчжу крепко схватила его за плечо. — Бежим! Сейчас же!

Но Джувон не мог двигаться, руки и ноги будто онемели. Сердце замерло, потому что хубальгви медленно повернулся в его сторону. И, хотя у него не было глаз, Джувон чувствовал, что оно смотрело прямо на него. А в следующий миг сущность медленно двинулась вперед. Прямо к нему.

— О нет, — прошептал Джувон. — Нет-нет-нет...

Енчжу дернул его сильнее, практически оттаскивая за собой:

— Бежим!

Продираться пришлось сквозь толпу паникующих людей, перевернутые стулья и разбитые бокалы шампанского туда, где Геджин размахивал руками, выкрикивая жуткую нецензурщину.

Джувон на бегу бросил взгляд через плечо. Хубальгви стоял посреди зала. От него исходило мертвенное серое мерцание. Даже отсюда чувствовалась жажда и... поиск. Оно искало подходящее лицо.

Они выскочили в коридор. Геджин захлопнул за ними двери и прислонился к ним спиной, тяжело дыша:

— Это... это полный... провал...

— Что теперь? — хрипло выдохнул Енчжу.

Геджин был бледнее обычного, да и вообще выглядел не очень хорошо.

— Теперь? Теперь оно здесь, потому что полностью материализовалось. И будет искать того, чье лицо ему подходит.

— Как остановить? — спросил Джувон.

— Не знаю, — честно ответил Геджин. — Черт возьми, птенец, я просто не знаю!

В коридоре стояла толпа испуганных посетителей. Слышались плач, стоны и резкие слова. Охранники пытались успокоить людей.

— Всем спускаться вниз! — кричал главный охранник. — Организованно! Не толкаться!

Толпа медленно направилась на первый этаж. Джувон видел на лицах людей страх, непонимание и шок. Женщина, которая плакала перед маской Хальми, все еще рыдала, ее поддерживали под руки подруги. Парень, смеявшийся возле Чоренги, сидел на полу, обхватив голову руками. Его губы беззвучно шевелились, будто в молитве.

Девушка, что кокетничала под влиянием Буне, стояла у стены, прижав руки к лицу, а в глазах застыл ужас.

— Нам нужно помочь им, — сказал Енчжу, делая шаг к пострадавшим.

— Погоди. — Геджин схватил его за руку. — Сначала убедимся, что оно не вышло.

— Что — оно? — переспросил один из охранников, подходя к ним. — Господа, о чем вы говорите? Вы что-то знаете?

Геджин посмотрел на него тяжелым взглядом:

— Массовая истерия, духота и плохая вентиляция. Зовите срочно скорую. Много скорых, сами видите, что происходит!

— Уже вызвали, — кивнул охранник и побежал вниз, помогать с эвакуацией.

Когда он скрылся из виду, Геджин прислонился спиной к стене и закрыл глаза:

— Я слишком стар для этого дерьма.

— Что будем делать? — спросил Джувон. — Мы же не можем просто оставить его там.

— А что ты предлагаешь, птенец? — устало спросил Геджин. — Вернуться и отшлепать хубальгви по худой попке?

— Мы можем попробовать запечатать его, — предложил Енчжу, проигнорировав последнюю фразу. — Закрыть зал, провести ритуал...

— Ритуал не сработает, — покачал головой Геджин. — Он уже материализовался. Печати действуют только на духов, которые еще не вошли в наш мир полностью. Хубальгви здесь. Это не призрак, который прячется в зазоре между мирами, а уже нечто другое.

— Тогда что? — Джувон почувствовал, как внутри все сжимается от страха. — Он просто будет здесь находиться и искать лицо?

— Именно, — мрачно подтвердил Геджин. — И рано или поздно найдет.

— Чье? — прошептал Джувон, хотя боялся услышать ответ.

Геджин посмотрел на него долгим взглядом, потом перевел взгляд на Енчжу, не проронив ни слова.

— Что? — резко спросил психиатр. — Говорите уже!

— Помнишь, птенец, второй расклад, который ты делал у Кегвана? — медленно произнес Геджин. — Тот, что был про твою роль в событиях?

Джувон кивнул, чувствуя, как холодеют пальцы.

— Маг, Влюбленные и Правосудие. Кегван сказал, что я буду в центре, и мне придется выбирать.

— Возможно, это не метафора, — тихо сказал Геджин. — А то, что хубальгви ищет именно тебя.

— Что? — выдохнул Джувон. — Почему меня?

— Потому что ты медиум, — нахмурился Геджин. — Ты проводник между мирами. Яркий, вкусный, не с такой энергией, как у обычных людей. Хубальгви чувствует таких людей, для него они как маяки в темноте.

— Вы хотите сказать, что он будет охотиться на Джувона? — ужаснулся Енчжу.

— Не только охотиться, — покачал головой Геджин. — Он захочет взять его лицо, потому что лицо медиума — это не просто внешность. Это... как бы сказать, идентичность, связанная с духовным миром. Идеальный сосуд для хубальгви.

Джувон забыл, как дышать, и просто стоял, пытаясь переварить услышанное. Значит, все это время... он был целью? С самого начала?

— Карты показали выбор, — медленно произнес он. — Какой выбор, учитель?

Тот тяжело вздохнул:

— Отдать свое лицо... или бежать, пусть хубальгви возьмет лицо кого-то другого.

— Это не выбор, — резко сказал Енчжу. — Джувон не отдаст свое лицо. И мы не позволим этой твари забрать чье-то еще лицо. Должен быть третий вариант.

— Должен, — согласился Геджин. — Но я его пока не вижу.

Коридор постепенно пустел. Последние посетители спускались вниз, где-то внизу уже слышались сирены, значит, приехала скорая.

Джувон подошел к двери зала и приложил ухо к дереву. Там было тихо. Можно сказать, полная абсолютная тишина.

Но за ней чувствовалось терпеливое присутствие.

— Он знает, что я здесь, — еле слышно прошептал Джувон.

— Да, — подтвердил Геджин. — Знает. И очень хорошо знает.

Джувон отступил от двери и посмотрел на друзей, попытавшись себя взять в руки.

— Нужно придумать, что делать дальше.

— Согласен, — кивнул Енчжу. — И убираемся отсюда.

Джувон попытался обернуться, но психиатр не дал этого сделать, почти грубо толкнув его вперед. И... где-то в глубине души Джувон был за это благодарен.

Глава 5

Тем временем первый этаж Культурного центра превратился в хаос. Полиция, скорая помощь и пожарные пытались что-то сделать одновременно. Мигающие синие огни заливали фойе холодным светом. Медики суетились вокруг пострадавших, полицейские пытались выяснить, что произошло, а пожарные проверяли системы вентиляции.

Джувон сидел на скамейке у стены, обхватив голову руками. Рядом стоял стакан воды, который ему сунула медсестра, но он к нему даже не притронулся.

В голове крутилась одна мысль: «Оно ищет меня».

— Молодой человек, — сказал подошедший полицейский. — Вы были на выставке?

Джувон кивнул, не поднимая головы. Смотреть кому-то в глаза сейчас не хотелось.

— Можете рассказать, что видели?

— Люди начали вести себя странно, — тихо ответил Джувон. — Кто-то плакал, кто-то смеялся, кто-то... вел себя не как обычно.

— Массовая истерия, — кивнул полицейский, что-то записывая в блокнот. — Духота из-за плохой вентиляции. Директор центра уже подтвердил проблемы с системой.

Надо же... Быстро сориентировался. Джувон хотел сказать, что дело не в вентиляции. Ведь на третьем этаже за закрытыми дверями зала находится древняя сущность, которая крадет лица. Что она материализовалась через трещину в древней маске и охотится на него.

Но... кто поверит?

— Понятно, — снова кивнул полицейский и закрыл блокнот. — Если вспомните что-то еще, вот моя карточка.

Он протянул визитку и ушел к другим свидетелям. Джувон сжал ее в руке, поднял голову и огляделся. Енчжу стоял у стойки ресепшена, разговаривая с кем-то из медиков. Геджин сидел на ступеньках лестницы, уставившись в пол. Костюм измят, галстук сдвинут набок. Видок еще тот.

Джувон встал и подошел к нему:

— Учитель?

Геджин поднял взгляд. Глаза красные, будто не спал неделю.

— Я облажался, птенец, — хрипло сказал он. — Ритуал не сработал. Я разбудил его вместо того, чтобы запечатать.

— Вы не могли знать...

— Должен был, — отрезал Геджин. — Я шаман, дьявол подери. Моя работа — знать и даже предвидеть. Но я... я недооценил масштаб.

Джувон опустился рядом с ним на ступеньки:

— Что теперь?

Геджин потер лицо ладонями и выдохнул:

— Теперь думаем.

— Может, оно не выйдет из зала? — с надеждой спросил Джувон. — И застряло там?

— Не застряло, — покачал головой Геджин. — Хубальгви привязан не к месту, а к цели. К тому... чье лицо ищет. А это... это ты.

Джувон сглотнул. Во рту вдруг стало совершенно сухо. Интуиция кричала, что надо быстрее что-то делать, но парень прекрасно понимал, что сгоряча можно наворотить столько дел, что станет еще хуже.

— Сколько времени у меня есть?

— Не знаю, — честно ответил Геджин. — Могут быть часы, могут и дни. Зависит от того, насколько быстро оно научится двигаться в нашем мире.

К ним подошел хмурый Енчжу и сказал:

— Я поговорил с главным врачом скорой. Пострадавших увозят в разные больницы. У большинства — острый психоз и панические атаки. Некоторым делают седацию.

— А маски? — спросил Геджин. — Кто-то проверял зал?

— Полиция закрыла доступ, — ответил Енчжу. — Объявили местом происшествия. Никого не пускают до утра и хотят провести полную проверку систем.

— Значит, хубальгви заперт там до утра, — медленно произнес Джувон.

— Или мы думаем, что заперт, — мрачно поправил Геджин. — Но сущности не открывают двери, птенец. Они находят другие пути.

— Какие?

Геджин не успел ответить, потому что ним подошел тот же полицейский:

— Извините, господа, вам нужно покинуть здание. Мы закрываем центр до окончания проверки.

— Когда можно будет вернуться? — спросил Геджин.

— Завтра утром не раньше девяти.

Они медленно поднялись и направились к выходу из здания вместе с теми, кто мог идти сам.

Вечер уже перетек в ночь. Небо затянуло облаками, и желтые фонари отбрасывали резкие тени на асфальт.

— Нам нужно место, где можно поесть, — сказал Енчжу.

— Ты можешь сейчас думать о еде? — поразился Джувон.

— Конечно. В том числе, и за тебя тоже.

— Кафе на той стороне улицы, — указал Геджин. — Вижу, что работает круглосуточно.

Они пересекли дорогу и зашли в маленькое заведение с неоновой вывеской «Кафе 24». Внутри было почти пусто, только пара студентов сидела за ноутбуками и сонный бариста торчал за стойкой.

Заняли столик у окна, заказав кофе и сэндвичи.

— Итак, — начал Енчжу, достав блокнот. — Что мы знаем о хубальгви?

Геджин откинулся на спинку стула и заметил:

— Немного. Легенды говорят, что это сущности, которые рождаются после смерти человека, но не могут обрести покой. Им нужно чье-то лицо, чтобы воплотиться и существовать дальше.

— И оно выбрало Джувона, — продолжил Енчжу. — Потому что он медиум.

— Именно, — кивнул Геджин. — Медиумы — яркие маяки для духовного мира. Хубальгви чувствует такую энергию, лицо медиума для него — идеальный сосуд. Это не просто внешность, а... ну, как связь с обоими мирами.

Джувон слушал молча, чувствуя, как страх медленно сжимает горло.

— Как его остановить? — спросил он.

Геджин некоторое время молчал, глядя в окно.

— В легендах говорится... что хубальгви можно остановить, только если лишить его цели.

— То есть?

— Либо цель умирает, — медленно произнес Геджин, беря сэндвич с курицей. — Либо цель добровольно отдает свое лицо, и тогда хубальгви получает то, что хочет, и исчезает.

— Это не варианты! — резко сказал Енчжу.

— Знаю, — кивнул Геджин. — Поэтому нам нужен третий путь.

— Какой? — спросил Джувон, невольно вцепившись в край стола.

— Запечатать его навсегда в чем-то, из чего оно никогда не выберется.

— В чем же?

— В зеркале, — тихо сказал Геджин.

Повисла тишина.

— Зеркале? — моргнув, переспросил Енчжу.

— Да. — Геджин потер переносицу. — Хубальгви ищет отражения. В твоем видении, птенец, оно смотрело в зеркала, витрины и любые поверхности. Правильно?

Джувон кивнул:

— Да. Оно... примеряло и искало.

— Значит, отражения — это его слабость, — продолжил Геджин. — И его сила одновременно. Если мы сможем заманить хубальгви в специально подготовленное зеркало и запечатать его там... оно останется внутри. Навсегда.

— Как это сделать? — спросил Енчжу.

— Нужно старое зеркало с историей. Желательно то, которое уже видело смерть или страдание. Они лучше удерживают духов, а потом — ритуал запечатывания. Нанести символы на раму и прочитать молитвы. И главное... — Геджин посмотрел на Джувона. — Нужна приманка, кто-то, кого хубальгви захочет взять.

Опять зеркала. Вот уж не думали, что снова придется с ними иметь дело.

— Я... Оно хочет меня, — прошептал Джувон.

— Да, — подтвердил Геджин. — Ты.

— Нет, — твердо сказал Енчжу. — Мы не будем использовать Джувона как приманку.

— А как еще? — развел руками Геджин. — Хубальгви охотится на него, и оно придет само. Нам нужно только подготовить место и дождаться.

— А если что-то пойдет не так? — повысил голос Енчжу. — Если ритуал не сработает? Джувон останется один на один с этой тварью!

— Я не оставлю его одного, — спокойно ответил Геджин. — Мы будем рядом, но другого способа нет, доктор. Поверь мне.

Енчжу сжал кулаки, явно сдерживая эмоции, потом медленно выдохнул:

— Где взять такое зеркало?

— У меня дома есть одно, — сказал Геджин. — Очень старое. Досталось от прабабушки. Говорят, много чего видело. В том числе, как утопилась жительница деревни.

— Чудесно, — пробормотал Джувон. — Зеркало с призраком утопленницы. Смесь гоуль-квисина и муль-квисина. Что может пойти не так?

— Призрак давно ушел, — успокоил Геджин. — Осталась только... энергия. Этого достаточно.

— Сколько времени нужно на подготовку? — спросил Енчжу.

— Пару часов. Может, чуть больше. Нанести символы, освятить и подготовить пространство, — сказал Геджин и посмотрел на часы. — Сейчас половина десятого. К полуночи все будет готово.

— А хубальгви? — хрипло уточнил Джувон, почувствовав, как холодеют пальцы. — Оно дождется полуночи?

— Не знаю, — честно ответил Геджин. — Но другого выхода нет, птенец. Либо мы попытаемся, либо...

Он не договорил, потому что... и не нужно было.

— Тогда поехали, — решительно сказал Енчжу, вставая из-за столика, даже не притронувшись к еде. — Чем быстрее подготовим, тем лучше.

Они быстро вышли из кафе. Ночной воздух был прохладным, и пахло дождем. Где-то вдалеке громыхнул гром.

— Моя машина здесь, — сказал Енчжу, указывая на парковку.

Они направились к темно-синему автомобилю. Джувон шел последним, оглядываясь через плечо. Почему-то казалось, что кто-то за ними наблюдает.

Но улица была пуста. Енчжу открыл машину, и все сели внутрь. Геджин на переднем сиденье, Джувон сзади.

Машина тронулась с места.

Джувон смотрел в окно на проплывающие огни ночного города. Витрины магазинов, рекламные щиты, окна квартир... Променял бы он свою жизнь на обычную? Сейчас он сказал бы, что да.

Внезапно вспыхнул свет экрана мобильного, куда пришло сообщение с неизвестного номера.

«*Ты думаешь, стены тебя защитят?*»

Джувон похолодел, чуть не выронив телефон.

— Что такое? — Енчжу посмотрел в зеркало заднего вида.

— Сообщение, — прошептал Джувон. — От... от... не знаю, от кого.

Он показал экран. Геджин прочитал и побледнел:

— Он вышел.

— Кто? — выдохнул Енчжу.

— Хубальгви вышел из зала, — напряженно сказал Геджин. — Он... он уже охотится.

— Как? — выдохнул Джувон, чувствуя, что начинает паниковать. — Двери закрыты! Полиция!

— Я же говорил. — Геджин обернулся к нему. — Сущности не открывают двери, а находят другие пути.

— Какие?!

Геджин молчал секунду прежде, чем ответить:

— Птенец... мы об этом уже говорили.

— А точнее? — Джувон понимал, что просто оттягивает неизбежное.

— Я хочу сказать, что хубальгви может путешествовать через отражения, — медленно произнес Геджин. — Он выбрался и теперь может быть в любой гладкой поверхности.

— Господи, — прошептал Енчжу.

Джувон медленно повернул голову к окну машины. Темное стекло, в котором отражались огни города, мелькающие фонари и...

Его собственное лицо.

Он смотрел на свое отражение в окне и в какой-то миг заметил, что за его отражением есть нечто... Бледное. Безликое. Фигура с чуть наклоненной вбок головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.